

Андрей ГАНИН,
доктор исторических наук

«ТЕПЕРЕШНИЕ СОБЫТИЯ НАДО ВЗВЕШИВАТЬ В МАСШТАБЕ ДЕСЯТИЛЕТИЙ, СТОЛЕТИЙ...»

Офицер в революции (по дневникам штабс-капитана Василия Цейтлина)*

История Первой мировой войны широкому кругу читателей известна, в основном, по воспоминаниям крупных военачальников или выдающихся политических деятелей, которые оставили свидетельства глобального противостояния с высоты занимаемого ими положения. Однако читателю намного ближе и понятнее «окопная правда», изложенная простыми участниками событий — рядовыми или младшими офицерами. К сожалению, таких свидетельств сохранилось крайне мало, поэтому каждое из них представляет особую ценность.

В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС) в Санкт-Петербурге автору этих строк посчастливилось ознакомиться с уникальным дневником штабс-капитана русской армии Василия Михайловича Цейтлина, посвященным эпохе 1914—1918 гг. На долю этого офицера выпало стать свидетелем переломных событий Первой мировой войны, революционного 1917 года и войны Гражданской. Материалы его дневника — уникального документа эпохи — охватывают события с августа 1914 г. по май 1918 г. и приближают нас к пониманию того, чем жил обыкновенный человек, попавший в водоворот глобальных исторических перемен и вынесший на своих плечах все тяготы походной жизни мировой войны. Благодаря дневнику, становится понятным, как такие люди восприняли приход революции и перемены в стране, и почему они оказались у истоков Красной армии.

Наша справка. Василий Михайлович Цейтлин (2 августа 1888 — 28 июня 1933) — сын коллежского советника, уроженец Гродненской губернии. Окончил Суворовский кадетский корпус, Александровское военное училище по 1-му разряду (1908), курс двух классов при Николаевской военной академии (1918). Последний чин в русской императорской армии — штабс-капитан. Участник Первой мировой войны. Принимал участие в боях под Августовым, на реках Бзуре и Равке, на Стоходе и Западной Двине. Получил шесть боевых орденов. В качестве военного специалиста поступил на службу в Красную армию. Участник обороны Петрограда от немцев в 1918 году. Участник Гражданской войны. Занимался вопросами организации военной разведки. Штатный преподаватель Военной академии РККА. В период советско-польской войны был начальником оперативной связи Западного фронта. Помощник начальника связи Красной армии. Организовывал военную связь частей Красной армии во время борьбы с Врангелем и подавления антоновского восстания. Крупный теоретик и практик военной связи. Автор ряда научных трудов, в том числе книги «Связь» (М., 1925), удостоенной премии им. М.В. Фрунзе. Умер в Москве от сыпного тифа.

Дневник В.М. Цейтлина представляет собой машинописный текст с внесенной авторской правкой. Рукопись дневника, по всей видимости, утрачена. По неизвестным причинам в тексте содержится немало пропусков. Возможно, в связи с неразборчивостью рукописи, в которой, насколько можно судить, автор прибегал к стенографированию.

Из документов архива Цейтлина следует, что уже в 1920-е гг. автор изучал различные свидетельства участников событий для корректировки своего дневника (в частности, конспектировал «Очерки русской смуты» генерала Антона Деникина). Можно предположить, что дневник содержит какие-то последующие правки. Об этом косвенно свидетельствует высокая степень зрелости суждений автора дневника, нетипичная для современника, впервые сталкивающегося с событиями такого масштаба и допускающая «послезнание».

Дневник написан живым языком, содержит многочисленные зарисовки фронтового быта и будней революционного Петрограда. Большая часть дневника посвящена Первой мировой войне, повсед-

В.М. Цейтлин в чине подпоручика 7-й артиллерийской бригады. 1908—1910 гг. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые.

невной боевой жизни тех частей, в которых довелось служить автору. Однако, пожалуй, наиболее интересна заключительная часть документа, в которой зафиксированы события революции в Петрограде и начинавшаяся в стране Гражданской войны. Автор дневника тогда обучался на ускоренных курсах Николаевской военной академии.

Цейтлин, еще молодой человек, оставил удивительное описание переломных для страны и для него лично событий. На страницах дневника он рассуждает о происходящем, высказывает свое отношение к Временному правительству, выступлению генерала Лавра Корнилова, приходу к власти большевиков и многим другим событиям, которыми была так богата революционная эпоха. Материалы дневника позволяют проследить эволюцию взглядов офицера, дают возможность разобраться в причинах его перехода в Красную армию, погрузиться во внутренний мир одного из представителей военной элиты страны — а Цейтлин, пусть и по сокращенной программе², но получил высшее военное образование в Николаевской военной академии (к началу 1918 г. генштабисты составляли

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914—1922 гг.)».

В.М. Цейтлин (второй слева) в группе кадет Суворовского кадетского корпуса. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые.

только около 1% русского офицерского корпуса).

Революция и последовавшая Гражданская война привели к невиданному прежде расколу русского общества, стали сложнейшими жизненными испытаниями для офицерства. В условиях взаимного ожесточения сторон от выбора офицеров зависел исход вооруженной борьбы, а, следовательно, и дальнейший путь развития страны. Как и все население бывшей империи, офицерство оказалось расколотым между красными, белыми и сторонниками национальных государств. Некоторая его часть предпочла уклониться от вовлечения в братоубийственную войну и заняла нейтральную позицию.

В своих наблюдениях Цейтлин критически оценивал реалии старой России. Сказывалась специфика мировоззрения фронтовика — на фронте всегда болезненно воспринимаются любые тыловые неурядицы. 13 июля 1916 г. он записал: «Тяжелых снарядов все нет, на орудие самые пустяки. Кругом видишь сплошное воровство под разным соусом, десятки паразитов, ничего не делающих, и получающих бездну денег»³. А вот запись от 29 августа 1916 г.: «Теперь, приглядевшись, я понимаю, почему настолько бездарна и лишена инициативы общая масса офицеров Генерального штаба. В академии, а потом на маленьких должностях их каждый старается задержать, оскорбить, пользуясь тем, что почти всегда в Генер[альный] штаб и вот человек терпит, переносит всякие обиды, глотает оскорбления лишь бы добраться до своей цели»⁴.

13 октября 1917 года о Главном штабе он отозвался как об авгиевых конюшнях, в которых «давно пора произвести фундаментальную чистку»⁵. Не будет преувеличением отнести автора дневника к группе реформистски настроенных молодых генштабистов, стремившихся к кардинальным переменам в военном руководстве страны.

Период с середины ноября 1916 г. по конец мая 1917 г. в дневнике почему-то пропущен. Однако многие важные оценки касательно деятелей этого периода можно почерпнуть из последующих записей. Пришедшее к власти в стране Временное правительство Цейтлин оценивал отрицательно, считал разрушительным для страны. Надо сказать, что подобная оценка была распространена в офицерской среде. Военного министра А.Ф. Керенского Цейтлин откровенно презирал, не скрывал взглядов от товарищей и не стеснялся в выражениях, именуя жалким, истеричным адвокатской прохвостом и фигляром⁶.

Определенной вехой идейной эволюции автора дневника стали события 3–5 июля в Петрограде, воспринимавшиеся как попытка большевиков захватить власть в столице. В этой связи 6 июля 1917 г. Цейтлин записал: «С большевиками шутить не приходится, а надо действовать очень энергично»⁷. Восприятие большевиков офицером в этот период было резко негативным.

Узнав о том, что их лидеры попали в Россию через Германию, по которой ехали в запломбированных вагонах, Цейтлин 8 июля записал: «Это сообщение просто придавило своей тяжестью, мне до сих пор

В.М. Цейтлин — юнкер Александровского военного училища. 1907–1908 гг. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые.

не верится, чтобы Ленин мог быть агентом герман[ского] Ген. штаба, они его могут использовать в своих целях, он может быть оказался игрушкой в руках германской активной контрразведки. Но не за деньги же, и не на немецкие деньги.

Что тут замешаны агенты германского Генерального штаба — нет сомнений и много немецких шпионов работает под флагом большевиков, есть, вероятно, среди них

негодяи, в этом нет сомнений. Также нет сомнения, что в смысле агитации, даже самым идейным большевикам по одному пути с герман[ским] Ген. штабом. И тем и другим нужен хаос в тылу, кабак на фронте и свержение Временного правительства»⁸.

Перемены в стране, развал армии, преследование офицеров как контрреволюционеров вселяли тревогу. По словам Цейтлина, офицеры революционной армии — это «какие-то бесправные отщепенцы с массой обязанностей»⁹. Между тем, как отмечал автор дневника, «масса армейского офицерства крайне демократична, и если с кадетских лет и была воспитана «самодержавнейшим и благочестивейшим», то русско-японская война, революция 1904–05 года (так в тексте. — А.Г.), распутинщина и разгромы в течение нынешней войны, особенно отход 15-го года, заставили многих призадуматься. Только необходимость продолжения войны, абсолютная необходимость сохранить фронт, давят сверху, сдерживая от личных выступлений».

Не будь войны, надо думать многие из офицеров сами активно выступили бы за Госуд[арственную] Думу, за ответственное министерство и за республику.

Ведь в сущности, чем армейский офицер, получающий гроши и не имевший никаких привилегий, был связан с царской властью, и чем ему было бы хуже при другом образе правления... Только лучше.

Но революция сразу приказом №1 озлобила офицерство, натравила на него солдатскую массу. Офицеры растерялись, потеряли почву под ногами, особенно, когда к революции стали подыгрывать такие генералы, как Брусилов и другие»¹⁰.

Офицерство утратило единство. Сохранялись прежние противоречия между гвардейцами и армейцами, усугублявшиеся политическими разногласиями. Цейтлин, безусловно, выражал интересы вторых. Гвардейцы же, по свидетельству автора дневника, были склонны к революционному карьеризму — раньше пресмыкались перед императором, а теперь проявили приспособленчество по отношению к новым властям. Все это создавало почву для раскола офицерского корпуса, произошедшего в Гражданскую войну.

Наиболее реалистичным части командного состава армии казался силовой вариант выхода из кризиса. Предпринимались попытки тайной самоорганизации офицерства для спасения страны¹¹. В конечном итоге это привело к вооруженному выступлению Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова против Временного правительства. Впрочем, попытка путча успехом не увенчалась.

После «корниловских дней» солдаты и вовсе возненавидели офицеров.

Штабс-капитан В.М. Цейтлин с орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом и знаком 5-й батареи 7-й артиллерийской бригады. 1916 год. Надпись на обороте: «Милому Мусику на добрую память. 14 июля 1916 года».

АВИМАИВВС.

«Возле избы, где живем. Сняли, когда я и не подозревал. Записывал, что надо сделать». Деревня Черенки Виленской губернии. 22 сентября 1915 года. АВИМАИВВС. Публикуется впервые.

В дневниковой записи от 2 сентября 1917 г. отмечено: «Армия до корниловского выступления уже дошла до предела развала и держалась по инерции на плечах офицеров, а сейчас и эта последняя опора выбита».

Надо сознаться, что настал физический конец войне, воевать с немцами никто больше не будет, нет такой силы, которая бы заставила солдат идти на смерть и гибнуть. За что?.. За кого?..

Надо заставить союзников мириться, пока мы все же числимся армией с каким-то количеством корпусов, чем дальше, тем будет хуже»¹². Цейтлин высказал идею заключения сепаратного мира, которая вызывала отторжение у многих его сослуживцев.

Положение офицерства оставалось затруднительным не только в моральном, но и в материальном отношении. 9 октября прибывший в академию Цейтлин записал: «Живи, как хочешь, сейчас каждый дворник получает гораздо больше меня, а жить ему легче и живет он, конечно, проще. Придется голодать...»¹³. Давила и окружающая обстановка. 10 октября в дневнике записано: «В сущности, если вдуматься сейчас

в положение России... то оно безнадежно, и нет никаких оснований на что-либо надеяться¹⁴. Незадолго до большевистского переворота Цейтлин описал свое настроение: «Апатия положительно ко всему, ничего не хочется делать, ни во что не веришь...»¹⁵.

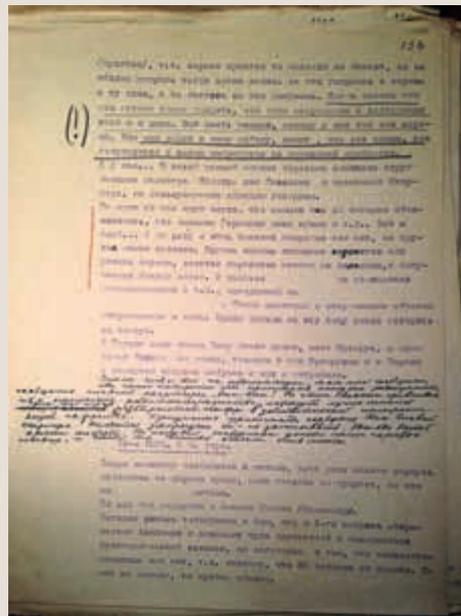
Солдатские массы жаждали скорейшего окончания войны. Но у Временного правительства и офицерских кругов эти настроения понимания не встречали. Чайниями фронтовиков воспользовались большевики. На предложение военного министра А.И. Верховского заключить сепаратный мир с Германией Цейтлин откликнулся 21 октября: «Конечно, Верховский, во многом, предал русскую армию из-за карьеры, и тайно заключать мир подло и глупо, но я держусь того мнения, что сепаратный мир надо заключить возможно скорее и объявив об этом заранее союзникам. Если же союзники не пожелают заключить мир, то плевать на них... Немедленно сепаратный мир с немцами и борьба с большевиками. А достаточно заключить мир, и главный козырь большевиков выбивается у них из-под ног.

Массы идут за ними из-за «мира»¹⁶. В академии подобные взгляды разделяли лишь несколько слушателей, большинство же оставалось за войну до победы.

22 октября Цейтлин зафиксировал другое важное наблюдение о том, что настал удачный момент для восстания большевиков. При этом он сомневался в том, что захват власти поддержат в стране¹⁷. Неумолимо приближался исторический день 25 октября 1917 г. Накануне в городе были разведены мосты, не ходили трамваи, в полках шли митинги и производилась выдача боеприпасов. Было понятно, что силовой захват власти начнется в ближайшие часы. 24 октября Цейтлин записал: «Разбирая вопрос со шкурной точки зрения, страшен не захват власти Лениным, Троцким и др. идейными культурными большевиками, а страшны произвол, грабежи и убийства разнузданной, пьяной солдатской массы, которые, очевидно, сегодня начнутся, а может быть, и уже начались. Особенное озлобление, конечно, будет как всегда против нас»¹⁸.

Слушатели академии решили не уезжать из Петрограда и не вмешиваться в события, а автор дневника обзавелся штатским костюмом, поскольку офицеры уже не могли свободно ходить по городу, не опасаясь эксцессов¹⁹. Цейтлин, как и прежде, сильнее всего возмущался Керенским, принесшим, по его мнению, огромный вред России. Теперь же этот неудачливый политик лишь пассивно ждал выступления большевиков.

ПОЖАЛУЙ, САМЫМ ЦЕННЫМ СВИДЕТЕЛЬСТВОМ ДНЕВНИКА ЦЕЙТЛИНА ЯВЛЯЕТСЯ ПОДРОБНЕЙШЕЕ ОПИСАНИЕ ДНЯ 25 ОКТЯБРЯ 1917 Г. В ПЕТРОГРАДЕ. В ТОТ ДЕНЬ АВТОР ДНЕВНИКА ОКАЗАЛСЯ В САМОЙ ГУЩЕ СОБЫТИЙ. ДО СИХ ПОР ЭТО ОПИСАНИЕ НЕ БЫЛО ИЗВЕСТНО НИ ШИРОКОМУ КРУГУ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЕЙ, НИ СПЕЦИАЛИСТАМ.

Страница дневника. АВИМАИВИВС. Публикуется впервые.

В 17 часов Цейтлин записал: «Начальник академии сказал удивительную речь, суть ее в том, что «академия, дескать, вне партии и политики», а поэтому надо беречь свое здоровье, нервы и продолжать заниматься, выжидая положение. По сообщению Андогского, Керенский с Временным правительством осаждены в Зимнем дворце, защищают Зимний дворец юнкера и женский батальон. Министру Кишкину даны диктаторские полномочия по водворению порядка. Но вот при помощи чего водворять — этого никто не говорит.

В борьбу с большевиками решено не ввязываться...

На Суворовском [проспекте] полный порядок, встретил много солдат и красногвардейцев с ружьями, как группами, так и в одиночку. Никто не задел, даже шашку не пробовали отыгать.

По Суворовскому прошло много матросов, говорят, приехали из Кронштадта. Раз эта публика — «краса и гордость революции» — приехала, значит, будет кровь...²⁰.

Затем, в 2 часа ночи с 25 на 26 октября, в дневнике появилось новое описание: «Зимний дворец взят. Сейчас я только вернулся с Невского, по которому бродил в своем импровизированном штатском костюме. Риск был большой, т.к. удостоверение у меня офицерское и, если бы выяснили, что офицер в штатском, могли бы тут же прикончить.

Вышел из дому около 8 часов вечера, на улицах большое оживление, много грузовых автомобилей с вооруженными матросами и красногвардейцами, толпами бродят солдаты, но настроение у них не воинственное, и что самое при-

ятное не хулиганское, как, напр., после первых дней во время февральской революции...

Изредка встречались офицеры, все без оружия.

На Знаменской площади несколько митингов, я как штатский вошел в толпу, а приятель остался на тротуаре ждать. Говорили о большевиках, восстании. Какой-то солдат кричал, что Ленин берет власть в свои руки, заключит мир с немцами, отдаст землю крестьянам и, словом, будет рай на земле.

Следующий оратор, видимо, с[оциалист]-р[еволюционер], говорил, что захват власти неправильный, что, дескать, даже 2-й съезд [Советов] против, что надо было бы ждать решения Учредительного собрания.

Настроение толпы было против большевиков, но вообще очень умеренное.

На Невском патрули из солдат и красной гвардии, народу много. К приятелю стали подходить и спрашивать, есть ли оружие, какой части, я посоветовал ему идти домой, обещав зайти все рассказать, а сам пошел далее.

В толпе узнал, что Зимний дворец осажден Красной гвардией и солдатами, а с Невы крейсером «Аврора». Около 9 часов раздались пушечные выстрелы и вслед за тем ружейная трескотня, говорили, что начался штурм дворца. Обойдя несколько патрулей, пошел далее. На пути видел несколько арестов как офицеров, так и, видимо, каких-либо важных лиц и правительства, двоих сняли с извозчика. Настроение толпы было определено враждебное к арестованным и можно было ожидать самосуда, правда, большей частью в толпе были солдаты. Офицеров далее на Невском уже совсем не было видно. У редакции «Вечернего времени» толпа. В ней настроение противобольшевистское, но весьма нерешительное, вступают в споры с проходящими патрулями, доказывая им бесцельность кровопролития. У Гостиного двора толпа еще больше. Ружейные выстрелы слышны сильнее. Говорят идет перестрелка юнкеров и женского батальона, которые забаррикадировались во дворце. Керенский руководит обороной дворца. Патруль из матросов привел несколько арестованных офицеров, хорошо я в штатском, да еще в пролетарском. Хуже всего попасть к этим зверям, убьют просто ради удовольствия... С красногвардейцами можно говорить, объяснить, а это какие-то садисты-бандиты...

Дошел до Мойки, дальше не пускали. Ружейная стрельба все продолжалась. Слухи самые разноречивые. По одним сведениям, Зимний дворец взят, по другим, только ворвались в первый этаж с одной стороны.

Подъезжают броневики, подходят новые отряды солдат. По моим наблюдениям, наибольший порядок в отрядах Красной гвардии.

Юнкерам, защищающим Зимний дворец, предъявили ультиматум сдаться.

Решил было идти домой, но рассудил, что здесь, пожалуй, самое безопасное место и остался ждать дальнейших событий, хотя промерз и проголодался вдребезги.

Вероятно, около 12 часов ночи, может быть немного позже, снова раздались оружейные выстрелы и ружейная трескотня, я был около Гостиного двора, все двинулись к Морской и Зимнему.

Стреляли с Авроры и из Петропавловской крепости. У Морской стояли красногвардейцы и солдаты, дальше не пускали. Дворец был уже взят, юнкера сдались, правительство арестовано, так сообщил какой-то большевистский комиссар...

Керенский оказался себе верным до конца и в решительный момент рано утром бежал из дворца. Жаль, что этого прохвоста не поймали»²¹.

Следующую запись Цейтлин сделал в 19 часов 26 октября: «После вчерашней ночи долго не мог заснуть и потому проснулся поздно около 12 часов.

Пока что какое-то дикое положение. В общем спокойно, вышли все газеты, как буржуазные, так и другие, на улицах все спокойно. Грабежей и погромов, кажется, совсем не было, солдаты, пожалуй, даже подтянулись, не видно вечных торгашей папиросами. Видимо, патрули подтягивают...

Как говорят, вчера при штурме дворца жертв было не так много, но возмутительно, что взятых в плен женщин-ударниц отвели в Павловские казармы и на «Аврору», где всех изнасиловали, а матросы потом всех раздели донага и топили в Неве.

Сколько честной и хорошей молодежи погибло из-за этого негодяя Керенского. И как глупо погибло среди полного разгильдяйства и нерешительности.

Керенский удрал и, вероятно, постарается при помощи войск с фронта взять Петроград, только кто пойдет за этим фигляром. Теперь поздно...»²².

Многое удивляло Цейтлина: «Все министры сидят арестованными... большевики хотели захватить генерала Алексеева, но он, слава Богу, скрылся...

Самое странное, что на улице полный порядок. Солдаты ведут себя прилично. Сегодня в трамвае один уступил мне место, я настолько обалдел, что сразу сел. О грабежах во всяком случае ничего не слышно. Объявлены в газетах телефоны комиссаров военно-революционного комитета, по которым надо звонить в случае грабежей или налетов.

Надо сказать беспристрастно, что порядок в такое тяжелое время прямо образцовый. На долго ли только, вот вопрос...»²³.

На этих тревожных нотках описание исторического дня 25 октября 1917 г. в дневнике заканчивается.

Удостоверение В.М. Цейтлина. 1917 год. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые.

Выборы в Учредительное собрание в ноябре Цейтлин встречал уже с усталым безразличием. Сказывалось сильнейшее нервное переутомление. Из последующих записей видно, что в перспективе форума офицер не верил, справедливо полагая, что собрание будет существовать ровно столько, сколько позволит новая власть²⁴.

12 ноября в дневнике отмечено: «Народ безмолвствует, интеллигенция боится.

Как сильными людьми Лениным и Троцким можно восхищаться. Можно их ненавидеть, не соглашаться, но это дела не меняет.

Определенно, открыто, от самого начала и до конца идут к своей цели, иногда, быть может и не стесняясь средствами.

Ну разве они одни только считают, что цель оправдывает средства. А в общем власть их — безусловная сила»²⁵.

Перед нами очевидная трансформация взглядов офицера. Стоявший прежде на резко антибольшевистских позициях офицер увидел в новой власти ту силу, которая способна прекратить хаос в стране. Он по-прежнему иронично воспринимал утопизм и идеализм большевиков, но их разумные инициативы (например, введение института гражданского бракосочетания вместо церковного) оценивал по достоинству.

В это время в стране уже разгоралась Гражданская война, не чувствовать приближения которой военные профессионалы не могли. 27 ноября Цейтлин записал: «Мне лично сейчас Россия представляется громадной степью и на всем протяжении, насколько видит глаз бараны, бараны, бараны и так до бесконечности, сливаясь с горизонтом вокруг»²⁶.

Практически с первых дней существования новой власти выявилась ее антиофицерская направленность. Офицеров огульно считали контрреволюционерами, относились к ним подозрительно, по стране прокатилась волна бессудных расправ. Очередным ударом по офицерству стал декрет от 16 декабря 1917 г. «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», по которому были упразднены погоны и воинские звания. Погоны всегда были символом офицерской чести и принадлежности к корпорации. До революции их срезали только с провинившихся. Тем оскорбительнее была эта мера, ударявшая по традиционному офицерскому мировоззрению и системе ценностей. По мнению Цейтлина, теперь офицеры приобрели «вид дикий» или «очень глупый»²⁷.

Брестский мир, положивший конец участию России в Первой мировой войне, Цейтлин именовал не только похабным, но и «препохабным», позорным для страны, при том, что осенью 1917 г. был активным сторонником мирных переговоров. Цейтлин не сомневался в необходимости выхода России из войны, но был убежден в том, что необходимо создавать новую армию и готовиться к отражению будущих внешних угроз. Неудивительно, что в дальнейшем он поддержал идею создания Красной армии.

Отметим, что в это время среди слушателей появились и те, для кого ненависть к большевикам оказалась сильнее любви к родине — кто ждал победы Германии и надеялся на ликвидацию большевизма при помощи немцев. 3 марта Цейтлин рассуждал в дневнике о таких своих товарищах: «Как слепы или, вернее, близоруки многие, бла-

В.М. Цейтлин в Красной армии. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые.

годаря озлоблению против большевиков — страшно желают прихода немцев. Какой толк, ведь только для того, чтобы ему, мне было лучше на время моей жизни и, пожалуй, это будет. Но ведь теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий, для этого надо сосредоточиться спокойно без злобы уйти от всех ужасных подробностей. И у меня часто бывали мысли, пусть уж лучше немцы... Но теперь я все же пришел к заключению. Пусть лучше вся Россия будет советской республикой, лишь бы ее не рвали по частям, и не попала она под немецкое ярмо»²⁸. Эти слова кажутся значимыми и вне своего временного контекста.

Наконец, в феврале — марте 1918 г. выпускники курсов получили назначения в части зарождавшейся Красной армии. Дневник Цейтлина обрывается на событиях мая 1918-го и сомнениях в успехе создания Красной армии. Однако будущее показало, что новую армию как раз и создали, благодаря знаниям и опыту таких, как Цейтлин, бывших офицеров, принявших революцию и именовавшихся теперь военными специалистами.

К столетию начала Первой мировой войны в издательстве «Книжница» (Москва) увидела свет новая книга А.В. Ганина «Закат Николаевской военной академии 1914—1922», в которой на основе прежде неизвестных документов российских и зарубежных архивов подробно освещаются события, зафиксированные В.М. Цейтлиным в его дневнике.

¹ Материалы дневника уже привлекали внимание исследователей (впрочем, в публикации дневник почему-то назван мемуарами): Жарский А.П., Михайлов А.А. Первая мировая война в неопубликованных воспоминаниях В.М. Цейтлина, офицера Российской императорской и Красной армий // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск. 2014. С. 114—121; Жарский А.П., Михайлов А.А., Шептура В.Н. Первая мировая война в неопубликованных воспоминаниях В.М. Цейтлина, офицера Российской императорской и Красной армий // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 92—110.

² Подробнее см.: Ганин А.В. «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // Родина. 2014. № 8. С. 62—66.

³ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 136.

⁴ Там же. Л. 153.

⁵ Там же. Л. 249.

⁶ Там же. Л. 199, 213, 226, 260.

⁷ Там же. Л. 199.

⁸ Там же. Л. 204.

⁹ Там же. Л. 208.

¹⁰ Там же.

¹¹ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 45—47; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 2. Борьба генерала Корнилова август 1917 г. — апрель 1918 г. М., 2003. С. 26—30.

¹² АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 229.

¹³ Там же. Л. 248.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 252.

¹⁶ Там же. Л. 255.

¹⁷ Там же. Л. 256.

¹⁸ Там же. Л. 258.

¹⁹ Там же. Л. 260.

²⁰ Там же. Л. 261—262.

²¹ Там же. Л. 262—264.

²² Там же. Л. 264—265.

²³ Там же. Л. 266.

²⁴ Там же. Л. 270, 274.

²⁵ Там же. Л. 270—271.

²⁶ Там же. Л. 274.

²⁷ Там же. Л. 277.

²⁸ Там же. Л. 283.